С. К. ЕВГРАФОВ

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

ПЕНЗЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

С. К. ЕВГРАФОВ

Ч2
Е94

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

350292

Пенз. Обл. биб-ка
им. М. Ю. Лермонтова

ПЕНЗЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Мой верный друг, мой враг коварный,
Мой царь, мой раб, родной язык.

В. Брюсов.

I.

Культура устной речи всегда привлекала большое внимание советской общественности. Этим вопросом интересовались не только педагоги, деятели литературы и искусства, не только судебные и партийные работники. В условиях советского общественного строя, когда каждый образованный человек призван быть агитатором и пропагандистом, культура нашей речи приобретает чрезвычайно важное значение. Как говорил еще М. И. Калинин: «Наша задача, чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облекаем наши выступления».[1]

В эпоху построения коммунистического общества происходит стремительный рост культуры, рост техники, науки, искусства. В этих условиях все более возрастает роль интеллектуальной деятельности человека, а следовательно, все более возрастает роль и значение языка, как средства для обмена мыслями.

Всеобщая значимость языка настолько очевидна, что теперь никто уже не может смотреть сквозь пальцы на то, как мы говорим, или отмахиваться от этого, как от чего-то неважного, незначительного, третьестепенного. Куль-

[1] М. И. Калинин. «Статьи и речи 1919—1935 гг.» Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 205.

турное развитие общества неразрывно связано с совершенствованием языка этого общества.

Данная брошюра направлена на то, чтобы еще раз остановить внимание читателей хотя бы на некоторых моментах культуры речи — этой важнейшей стороны культурного прогресса.

II.

Проблема культуры речи необычайно широка и сложна. Она включает в себя целый ряд очень обширных тем, как чисто теоретического, так и практического характера.

С одной стороны, вопросы культуры речи переплетаются с чисто теоретическими областями лингвистики, с целым рядом наук о языке: с историей языка, общим языкознанием, стилистикой современного русского языка, диалектологией и пр.; в то же время они соприкасаются с чисто философскими сторонами теории познания и логики, с психологией, историей, этнографией и т. д.

С другой стороны, культура речи теснейшим образом связана со всеми сторонами культуры публичного выступления, его организации, подготовки, выполнения Ибо культура речи — это один из важнейших элементов публичного выступления, в том числе и ораторского искусства, «самого трудного из искусств», по характеристике М. И. Калинина.

Наконец, поднятие, развитие культуры речи неизбежно требует рассмотрения ряда путей повышения культуры речи, изучения средств и способов ее улучшения, равно осознания хотя бы главнейших недостатков и пороков речи, наиболее распространенных в данное время. Точно так же рассмотрение методов работы над речью, очевидно, невозможно без изучения тех ее образцов, к которым должен стремиться каждый человек.

Совершенно очевидно, что рассмотреть детально весь этот круг сложных и трудных вопросов в одной небольшой работе невозможно. Поэтому содержание ее неизбежно будет очень неполным, иногда даже ограничиваться беглым рассмотрением только нескольких наиболее важных тем, как чисто теоретического, так и практического характера.

III.

Обращаясь к рассмотрению любой проблемы языка, прежде всего нужно уяснить соотношение языка и мышления, раскрываемое марксистско-ленинской философией. Еще К. Маркс выдвинул положение, что «язык — это непосредственная действительность мысли», что «идеи не существуют оторванно от языка». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми».[1]

В «Философских тетрадях» В. И. Ленина есть краткая, но чрезвычайно выразительная запись, говорящая о том, что история мысли является в то же время историей языка.[2] Наконец, И. В. Сталин, развивая эти же мысли и конкретизируя их, говорит, что нет оголенных мыслей, свободных от языковой материи, что «будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе».[3]

Во всех этих высказываниях очень четко выражены следующие положения: язык возник из потребности людей в общении; сознание и язык не только возникают одновременно, но и немыслимы друг без друга, и язык есть практическое действительное сознание.

Из этих отвлеченных, философских положений вытекает следствие, имеющее громадное практическое значе-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, Госполитиздат, изд. 1, стр. 20—21.

[2] В. Ленин. «Философские тетради». Госполитиздат, 1947 г., стр. 63.

[3] И. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания». Госполитиздат. 1950 г., стр. 46

ние: если мы работаем над повышением своего культурного уровня, над развитием своего мышления, то этим самым мы работаем над повышением культуры своего языка, своей речи. И так же, очевидно, будет верным обратное положение: если мы будем работать над улучшением культуры своей речи, то этим самым мы будем развивать свое мышление.

Из сказанного ясно теперь, что культура речи — это не какой-то исключительно теоретический вопрос, а задача всемерного повышения культуры речи — это отнюдь не только школьно-ученическая задача. Следовательно, мы должны признать необходимость работы над своей речью.

Эта работа должна начинаться с самого раннего детского возраста. Великий русский педагог К. Д. Ушинский говорил: «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в... народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ».[1]

Эти слова К. Д. Ушинского приложимы не только к ребенку. В значительной мере они могут быть отнесены к любому взрослому человеку, обогащающему свой язык, повышающему культуру своей речи. Они еще раз подтверждают, что в языке мы имеем совершеннейшее орудие познания мира, жизни и человека, что язык — это неисчерпаемая сокровищница успехов «познавательной работы человека».

IV.

Поскольку «язык есть важнейшее средство человеческого общения», язык относится к числу общественных явлений. История не знает ни одного человеческого об-

[1] К. Ушинский, Соч., т. 2, изд. 1948 г., стр. 558.

щества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Более того, именно язык способствовал окончательному превращению обезьяны в человека.

«Сначала труд, — пишет Энгельс, — а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству».[1]

Язык возникает и совершенствуется вместе с рождением и развитием общества. Существование общества обусловливается наличием общественного производства, а это последнее осуществимо только при наличии обмена мыслями посредством звукового языка: без языка, понятного и общего для всех членов общества, невозможно никакое производство и общество распадается, перестает существовать, как таковое. Следовательно, без общества нет и не может быть языка, без языка нет и не может быть общества.

Но, будучи общественным явлением, язык имеет свою специфику, которая резко выделяет его из ряда других общественных явлений. Как известно, язык не принадлежит ни к базисным явлениям, ни к надстроечным. С уничтожением определенного базиса и связанной с ним надстройки и возникновением нового базиса и новой надстройки язык не уничтожается и никакого нового языка не образуется. Язык — продукт целого ряда эпох. Он живет несравненно дольше любого базиса и любой надстройки, порождается и развивается всем ходом истории общества в течение многих веков. Язык — не классовое явление. Он создается не одним каким-нибудь классом общества, а всеми классами общества, всем обществом, усилиями сотен поколений людей.

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.
(П. А. Вяземский).

Язык существует и создается для удовлетворения нужд всех классов общества, всего общества в целом.

[1] Ф. Энгельс. «Диалектика природы». Госполитиздат, 1941 г., стр. 137.

Именно поэтому он — един для общества и для всех его членов. При этом язык охватывает все области человеческой деятельности, сфера действия языка почти безгранична.

Из этих отвлеченных, теоретических положений истории языка и общего языкознания вытекает следствие, имеющее важнейшее практическое значение. Если язык общенароден, т. е. является единым и общим для всех членов общества, то и нормы, законы этого языка должны быть точно так же едиными, общими и обязательными для всех членов общества. Это касается одинаково как норм письменной речи, так и норм устной речи.

Но если все прекрасно знают, что нормы письменной речи — одни для всех, то, к сожалению, далеко не все осознают, что и нормы устной речи также должны быть обязательными для всех. А если это так, то усвоение этих норм устной речи, неустанное повышение культуры своей устной речи должно быть задачей каждого члена общества, каждого человека.

К выполнению этой задачи призывал не только писателей, но и всех советских людей А. М. Горький, который говорил: «Надо учиться языку, надо расширять свой лексикон, учиться облекать свои впечатления в более совершенную, яркую, простую форму».[1] К этому же призывал и М. И. Калинин: «Изучение родной речи — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах...[2]

V.

«Товарищи юноши, взгляд — на Москву!
На русский востри́те уши!»

Так призывал советскую молодежь В. В. Маяковский. Он не только понимал все значение языка, не только сам умел прекрасно использовать все богатство русского языка, но, как и многие другие, полагал, что мы, русские лю-

[1] Журнал «Литературная учеба», 1931 г., № 1, стр. 7.
[2] М. И. Калинин. «О коммунистическом воспитании», изд. «Молодая гвардия», 1947 г., стр. 98.

ди, в нашем русском языке имеем такое совершенное орудие и средство общения, какому может позавидовать любой другой народ. Если собрать воедино все отзывы писателей, ученых, мыслителей, политических и общественных деятелей о русском языке, то получится громадный том. И все эти отзывы и характеристики — настоящий хвалебный гимн «великому, могучему, правдивому и свободному» русскому языку.

Фридрих Энгельс, сам величайший полиглот, говорил, что русский язык — «один из самых сильных и самых богатых живых языков».[1] Свое восхищение русским языком Энгельс выразил в следующих словах: «Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости».[2] В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» так отвечал «господам либералам»: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч».[3] По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин говорил: «Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый».[4] Тот же В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, что В. И. Ленин специально изучал словарь Даля и «высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и других образных выражений русского языка».[5]

Все русские писатели, начиная с В. К. Тредьяковского и М. В. Ломоносова и кончая А. М. Горьким и А. Н. Толстым, в своих высказываниях о русском языке поют восторженную хвалу достоинствам русского языка, богатейшему по своим выразительным средствам между всеми европейскими языками. Писатели различных эпох, самых различных и даже противоположных мировоззрений, различных литературных направлений и художественных стилей — Ломоносов, Карамзин, Рылеев, Гоголь, Белинский, Герцен, Тургенев, Чернышевский, Достоевский, Л. Толстой, Чехов, Бунин, Горький, В. Брюсов,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, изд. 1, стр. 2.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 362.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 55.
[4] В. В. Виноградов «Великий русский язык». Госполитиздат, 1945 г., стр. 6.
[5] Там же.

А. Толстой — все в один голос отмечают богатство, мощь, гибкость, красоту, точность, меткость, изящество, самобытность, творческую силу и действенность русского слова, русского языка. Замечательно, что характеристика русского языка, данная Ломоносовым еще 200 лет тому назад, в 1755 году, в его «Российской грамматике», нынс звучит еще более убедительно, чем двести лет назад. «Повелитель многих языков, язык российский, не только обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольством, велик перед всеми в Европе... Карл V, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатую и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков... Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее понятие о человечском слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море».[1] Об этом превосходстве русского языка над другими европейскими языками говорят и Пушкин, и Гоголь, и Белинский, и Добролюбов, и Чернышевский, и Тургенев, и Достоевский. Ведь это факт, что любое произведение литературы любого европейского языка свободно и вполне точно может быть переведено на русский язык, передано русскими словами. Между тем целый ряд произведений русской литературы не может быть передан на другом языке без потери точного смысла, оригинальной выразительности и яркости высказывания.

Это своеобразие русского языка отмечается всеми изучавшими его деятелями культуры всего мира, и мысль о превосходстве русского языка над другими языками разделяется всеми передовыми людьми.

Мощь и величие русского языка — неоспоримое свидетельство громадных творческих сил русского народа и

[1] В. В. Виноградов. «Великий русский язык», М., 1945 г., стр. 12.

его великой исторической судьбы. «...Нельзя верить, — говорил И. С. Тургенев, — чтобы такой язык не был дан великому народу!»[1]

VI.

Однако равнодушное отношение к языку, пренебрежение его богатствами, нарушение норм и законов прекрасной русской речи, доставшиеся нам в наследство от свергнутых эксплуататорских классов, до сих пор дают себя знать. Со страниц советской печати время от времени раздаются скорбные, а иногда остросатирические голоса по поводу тех искажений и неправильностей русской речи, которые допускаются многими людьми. В самом деле, если мы прислушаемся к речи, звучащей кругом нас, прислушаемся к тому, как мы сами говорим, мы обнаружим многочисленные и разнообразные недочеты, искажения, ошибки, иногда прямое калечение нашего «великого, могучего, правдивого и свободного» русского языка. Эти нарушения норм правильной литературной речи существуют и в звуковом оформлении слов, и в неправильном смысловом употреблении отдельных слов; они — и в недопустимых сочетаниях слов между собою, в том, что принято называть фразеологией; они — и в искажении грамматических форм различных частей речи, и в синтаксическом построении предложений; наконец, они — в совершенно излишнем изобилии иностранных слов, в наличии ряда грубых жаргонных слов и оборотов, равно слов-паразитов, или мусорных слов.

Приведем ряд примеров. Начнем с звуковой стороны. Хотя русская орфоэпия, т. е. наука о правильном литературном произношении, далеко еще не полностью разработана, однако имеется целый ряд общепризнанных норм звучания слов, которые являются обязательными для культурной речи.

Мы не имеем возможности здесь освещать все положения и правила. Интересующиеся найдут их в специальной литературе, указанной в приложении. Однако мы не можем не привести здесь некоторых принципиальных высказываний академика Л. В. Щербы, работы ко-

[1] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1954 г., стр. 275.

торого очень ценны для понимания норм русской орфоэпии. В статье «О нормах образцового русского произношения» Л. В. Щерба, подчеркивая важность вопроса о кодексе наших орфоэпических норм, говорит: «Миллионы людей изучают русский литературный язык, миллионы людей, русских и нерусских, хотят говорить образцовым русским произношением, десятки тысяч учителей, специалистов и неспециалистов, учат их этому произношению, но никто по-настоящему не знает, как и чему надо учить и учиться...». «Так называемое «московское произношение», на которое до революции опиралась наша орфоэпия... было действительно живым произношением московских дворянских и купеческих семейств, которому не учились, а которое всасывали, так сказать, с молоком матери». Но это московское произношение «исчезло безвозвратно». «Новая, социалистическая Москва, а вместе с нею и весь Советский Союз строят новую жизнь, а вместе с нею и новый русский литературный язык, и выковывают новое образцовое русское произношение...» «Это творчество черпает материал, конечно, не из ничего: для языка в целом мы имеем неисчерпаемые сокровища: прежде всего произведения наших вождей, памятники классической литературы и лучшие образцы современной литературы». С произношением, однако, дело обстоит хуже, так как оно очень текуче. «Единственными источниками для строительства в области произношения являются, во-первых, произношения культурных центров Союза и, конечно, прежде всего новой, социалистической Москвы; во-вторых, хотя лишь отчасти, те принципы, которые лежат в основе нашей письменности; в-третьих, некоторые произносительные литературные традиции...»[1] Памятуя об этих принципиальных положениях и опираясь на них, мы и позволим себе остановиться на некоторых, очень немногих, моментах того кодекса орфоэпических норм, которые в настоящее время должны быть общепринятыми.

Совершенно очевидно, что в современном литературном произношении отметается и признается неправильным все то, что сугубо свойственно разным территориаль-

[1] Л. Щерба. «Избранные работы по русскому языку». Учпедгиз, М., 1957 г., стр. 110—111.

ным диалектам — севернорусскому и южнорусскому — равно все чересчур местное, будет ли оно московским или новгородским, вятским или орловским, не говоря уже об отличительных чертах национальных произношений в отдельных языках народов Советского Союза.

Если резко выраженный окающий или акающий говор является редкостью, изживающим себя территориальным диалектом, то случаи якающего произношения довольно часты. Между тем такое произношение, как вечир, висна, сило, нису, чиво, ширшавый, гниздится, ликарство, титрадка и т. п., безусловно недопустимо, т. к. во всех этих случаях должен преобладать хотя и неясно слышимый звук **э**, а не **и**, то есть произношение должно приближаться к написанию.

Широкое, поистине всенародное освоение грамотности, книги и печатного слова вообще приводит к тому, что многие начинают произносить слова так же, как они пишутся. Между тем, это неправильно, потому что мы пишем не так, как говорим, и говорим не так, как пишем. Поэтому произнесение безударного **о** как чистого **о** невозможно, а, в зависимости от положения, оно должно звучать либо как слабое **а**, либо как приглушенный, неясный звук, как бы **ъ** или даже **ы**. Точно так же безударные личные окончания глаголов 2-го спряжения 3-го лица множественного числа в правильной литературной речи никогда не звучат, как **-ат, -ят**, а приближаются к **-ут, -ют**: они слыш(у)т, нос(ю)т. Считается неправильным смягчение согласных **г, к, х** в окончаниях прилагательных перед гласным **и**. Поэтому произносится не так, как пишется: строгий, робкий, тихий, а строг(ы)й, ропк(ы)й, тих(ы)й, т. е. согласные остаются твердыми.

Такие сочетания как **чн** и **чт** в словах: что, чтобы, конечно, должны звучать как **шн** и **шт**; сочетания — **ого, —его** в окончаниях прилагательных, числительных и местоимений должны звучать как **-ово,-ова** и **-ево, -ева**: доброво, хорошево, настоящево, большова, шестова, десятова и т. д.

Но если нарушение только что указанных, а также подобных им, норм не производит отрицательного впечатления, часто даже не замечается большинством людей, то случаи нарушения правильной постановки ударения в

словах производят очень неприятное впечатление. При этом неправильно ставятся ударения не только в иностранных словах, но даже и в самых обычных, простых, широкоупотребительных русских словах. В словах: алфави́т, докуме́нт, инструме́нт, кварта́л, киломе́тр, магази́н, портфе́ль, проце́нт, рома́н, сантиме́тр, цеме́нт, диспансе́р и многих других ударение падает на последний слог и сохраняется на этом гласном во всех падежах. В словах же: а́томный, а́томщик, до́гмат, ко́декс, при́нцип, те́хникум и многих других ударение — на первом слоге, также сохраняясь на этом гласном во всех падежах. Между тем произношение доку́мент, кварта́л, киломе́тр, про́цент, ато́мный, коде́кс и т. п., к сожалению, получило широкое распространение.

Как уже сказано, даже русские слова не избегают этой участи и искажаются недопустимым образом. Часто мы слышим: нена́висть вместо не́нависть, средства́ вместо сре́дства, до́быча вместо добы́ча, намере́ние вместо намере́ние, ходата́йство вместо ходата́йство, сто́ляр вместо столя́р, обеспече́ние вместо обеспе́чение, облёгчил, вместо облегчи́л, звони́т вместо звони́т, приведен вместо приведе́н, красивее вместо краси́вее, понял, вместо по́нял, поняла вместо поняла́, передал вместо пе́редал и т. д.

Между тем правильная постановка ударения в словах обязательна. Ударение в русском языке является не только формообразующим элементом, но и словообразующим элементом. Другими словами, при наличии одних и тех же звуков различная постановка ударения меняет не только грамматическую форму слова, но изменяет самый смысл слова, то есть создает новое слово. Примеры этому многочисленны и хорошо известны: до́ма и дома́, но́ги и ноги́, во́ды и воды́, хо́дите и ходи́те, ку́пите и купи́те, вы́резать и вырезать, засы́пать и засыпа́ть — во всех этих парах различное ударение говорит о различии грамматических форм. А в следующих парах: мо́ю и мою́, во́рот и ворот, по́лки и полки́, пи́ли и пили́, па́ры и пары́, у́ху и уху́, сорока́ и сорока́, безо́бразный и безобра́зный, про́пасть и пропа́сть, пла́чу и плачу́ и т. д. — мы имеем совершенно разные понятия, разные слова, иногда даже разные части речи. Поэтому законы русского языка требуют, чтобы во всех словах ударение ставилось правильно во избежание могущих возникнуть смысловых недоразумений.

Говоря о звуковых искажениях, нельзя обойти молчанием нередко встречающиеся ошибки произношения некоторых местоимений, числительных и глаголов. Так, нередко приходится слышать неправильное произношение косвенных падежей местоимений «вся» и «своя». Местоимения весь, вся, всё и свой, своя, своё имеют звук **о** (в написании ё) только в формах среднего рода и в предложном падеже мужского рода, например: в своём, на всём и т. д. Между тем это **о** (ё) появляется в формах женского рода, и приходится слышать: «со всёй силой», «со всёй уверенностью» или «со своёй стороны», «в своёй деревне» и т. п. Столь же груба ошибка диалектного произношения «шеснадцать» вместо «шестнадцать», и уже совершенно недопустима форма именительного падежа числительного «оба» как «обои»: «они обои ушли». Обои, как известно, бывают только на стенах и уйти никуда не могут.

В разноспрягаемом глаголе «хотеть» в единственном числе в окончаниях имеется звук **е**, во множественном числе — звук **-и**, а в 3-м лице ударное окончание **-яг**. Между тем нередко этот глагол произносится как «хотишь» и «хотит», и «хочем» и «хочут», вместо «хочешь», «хочет», «хотим», «хотят».

Вследствие существующего в русском языке чередования звуков мы имеем, например, такие формы спряжения, как лягу, ляжешь, ляжете, лягут или берегу, бережешь, бережем, берегут и т. д. И вот разное звучание различных форм порождает такое ошибочное произношение: «лягёшь», «берегёшь» и даже «ляжут», а особенно часто «бегёшь» или «побёг».

Следует отметить встречающееся смешение форм творительного и предложного падежа прилагательных и местоимений в окончаниях **-ым**, **-им** и **-ом**, **-ем** (ём), вроде «в Пензенским театре», «в добрым здоровье», «на ним» вместо «на нём» или «с нём» вместо «с ним».

Иногда смешиваются формы окончаний творительного падежа множественного числа существительных и прилагательных, и тогда мы слышим: «лавкими», «ручкиными», «подружкими», то есть окончание **-ими** вместо **-ами**.

Грубым нарушением норм нашей речи являются окончания родительного падежа множественного числа

типа: «делов», «местов», «сапогов» и т. д., т. е. в таких существительных, где имеется, так называемое, нулевое окончание: пара сапог, пара чулок; однако носков, а не «носок», но — туфель, а не «туфлей».

До сих пор еще встречаются случаи склонения слова пальто, которое является несклоняемым словом, и поэтому совершенно недопустимы формы «в пальте» или множественное число «польты».

Наблюдаются случаи смешения глаголов, имеющих частицу **-ся** и не имеющих ее. Так, обращаясь к играющим детям, можно сказать играй, играйте, поиграй, не играй. Но сказать «играйся» или «поиграйся» совершенно недопустимо.

В русском языке нет бесприставочного глагола без частицы **-ся**: «ложить»; есть только с приставками: положить, сложить, уложить и т. д. Между тем, в последние годы получили широкое распространение такие недопустимые в литературном языке обороты: «а ты ложь сюда», или «ложи сюда», или «а ты ложь меня в больницу».

Следует особо остановиться на случаях различных окончаний именительного множественного у существительных мужского рода второго склонения. Так, мы имеем: огороды, но города; сомы, но дома; круги, но округа; столы, но колокола; пароходы, но поезда и т. д. У некоторых слов оказываются возможным оба окончания, но при этом, в зависимости от окончания, меняется смысловое значение слова. Таковы всем известные: хлебы и хлеба, цветы и цвета, проводы и провода и т. д.

В нашем языке вообще наблюдается тенденция распространения окончания **-а (я)** на существительные, имевшие ранее окончания **-ы (и)**. И некоторые существительные, когда-то имевшие окончание **-ы**, под влиянием форм на **-а** приобрели с течением времени это окончание **-а**, утратив окончание **-ы**. Таково, например, слово дом — дома, которое еще в середине XIX века могло употребляться в форме домы (у А. Н. Майкова). Таковы приобретшие права литературного гражданства и узаконенные уже слова: директора́, инспектора́, доктора́, отпуска́, коллектора́ и т. п., ранее произносившиеся с окончанием **-ы (и)**.

У некоторых существительных этот процесс утраты одного окончания и приобретения другого только еще совершается, не вполне закончился, и поэтому мы встречаемся с возможностью двоякого правильного произношения: — лéкторы и лектора́, лéкари и лекаря́, пéкари и пекаря́, цéхи и цеха́, причем форма на -а (я) осознается нами как устно-разговорная, а форма на -ы (и) как литературно-книжная. У некоторых же существительных, несмотря на распространенное употребление, форма на -а (я) признается грубо-просторечной, некультурной и недопустимой в литературно-разговорной речи. Таковы всем известные: «шофера», «портфеля», «офицера», «трактора», «токаря», «выбора» и т. п. У целого ряда существительных эта форма на -а (я)—совершенно невозможна, вроде «диктора», «майора», «ясеня», «допуска».

Таким образом, как и все в языке, с течением времени изменяется и фонетика, и орфоэпия. Но это только обязывает нас неустанно и тщательно следить за изменением норм и правил. И уж, конечно, эти изменения не дают никому права так искажать звуковую форму слова, правда, чаще иностранного, когда мы вместо «констатировать» слышим «константировать», вместо «компрометировать» — «компроментировать», вместо «сифон» — «сихвон», вместо «протеже» — «прытяже», вместо «микропористая» — «мокроупористая». Однако в последнем случае мы имеем дело с той народной этимологией, которую так блестяще умел использовать в своих рассказах Н. С. Лесков.

Если в речи неприятны звуковые ошибки, подобные тем, о которых мы до сих пор говорили, то еще более тягостное впечатление производят ошибки неправильного смыслового употребления слова. Лев Толстой в одном из своих произведений писал: «Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия»[1].

Между тем нередко приходится сталкиваться с людьми, которые слишком неразборчиво употребляют слова,

[1] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1954 г., стр. 285.

Пенз. Обл. биб-на им. М. Ю. Лермонтова

25092

смешивая обозначаемые ими понятия, не имеющие между собой ничего общего. В первую очередь это бывает с иностранными словами, обычно почти одинаково звучащими. Так, смешиваются слова: бетон и бидон, ферма и фирма, даже симулировать и стимулировать. В романе Вилиса Лациса «Буря» одному из героев «...достаточно было услышать или увидеть в газете иностранное слово, как он пускал его в оборот, не задумываясь над его значением. Он, например, путал слова «прецедент» и «претендент»: в его толковании оба они обозначали государственную должность, соответствующую посту президента».[1]

В литературе засвидетельствованы и другие факты смешения слов — понятий, уже прямо анекдотического характера. Например, одна почтенная гражданка, желая обрисовать капризный характер своей взрослой дочери, заметила: «Она ничем не довольна. У нее, знаете, муж — аллигатор с большим стажем, а она и то недовольна». Оказывается, эта гражданка спутала слова ирригатор и аллигатор. Ирригатор — это инженер по осушке и орошению почвы, а аллигатор — род крокодила. Завклубом одного завода хвастался, что он сделал клуб образцовым и довел его «до высшего вакуума». Но, как известно, латинское слово вакуум обозначает: полная пустота, и слушатели, естественно, были потрясены такой похвалой. А дело объяснялось очень просто. Этот завод выпускал воздушные насосы, и инженеры гордились тем, что их насосы дают высший вакуум. Завклубом же решил, что высший вакуум — это вообще высшая степень похвалы.

Но оставим иностранные слова, чрезмерное и неправильное употребление которых вызывало негодование В. И. Ленина, смущало А. С. Пушкина, а у И. С. Тургенева вызвало следующие строки: «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».[2] К сожалению, нередко смешиваются и неправильно употребляются даже русские слова, при этом самые обычные и простые. Так, смешиваются понятия: дворовый и

[1] В. Лацис «Буря», ч. I, М. 1952 г. стр. 26—27.
[2] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1954 г., стр. 275.

придворный, праздный и праздничный, ненависть и пре-
зрение, себялюбие и самолюбие, несамостоятельный и
непостоянный, поставлено и постановлено и т. д. и т. п.
Особенно тягостное впечатление производит жаргонное
употребление слова «обратно» в смысле «опять»,
«вновь», «снова»: «Мария Ивановна обратно заболела»,
или «Николай Петрович обратно женился». Невольно
вспоминаются слова Л. Н. Толстого: «Если бы я был
царь, то издал бы закон, что писатель, который упо-
требил слово, значения которого он не может объяс-
нить, лишается права писать и получает сто ударов
розог».[1]

До сих пор мы говорили о таких ошибках и недо-
статках нашей речи, которые касаются или звучания,
или грамматической формы, или смыслового значения
отдельных слов. Но недостатки нашей речи этим не ис-
черпываются. Более серьезными недочетами являются
ошибки в нашей фразеологии, в сочетаниях слов между
собою, в порядке слов и в построении предложений.

Как известно, устная речь очень заметно отличается
от письменной речи и по своему словарному составу, и
по своему строению. Тем не менее для нее остаются в
силе те законы словосочетаний, законы соединения слов
между собою, законы построения предложений, какие
существуют для письменной речи. Однако не только в
обычной бытовой речи, но даже из уст докладчиков
нередко можно слышать такие предложения, такие сочетания слов, какие невозможны по законам нашей речи.

Очень часто, например, встречается употребление
единственного числа прошедшего времени глаголов при
местоимении «вы» при обращении к одному лицу. Между тем, при наличии местоимения «вы», хотя бы при
обращении к одному лицу, глагол обязательно должен
быть в форме множественного числа, то есть: вы пошли,
вы хотели, вы читали, а никак не: «вы пошёл», вы «хотела», «вы читала» и т. д.

Особенно часты случаи неправильного согласования
сказуемого с подлежащим, выраженным сочетанием
счетного слова — существительного, наречия, местоимения — с существительным — названием самого предме-

[1] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1954 г., стр. 288.

та. Например: «Ряд слушателей не явились на занятия», или «Много машин скопились у заготпункта», или «Половина коров остались без надлежащего ухода», тогда как правильно было бы: «Ряд слушателей не явился на занятия», «Много машин скопилось у заготпункта», «Половина коров осталась без надлежащего ухода». Точно так же неправильны такие обороты, как «более десять процентов» или «до триста двадцать трудодней», так как наши числительные склоняются. А в этих сочетаниях предлог «до» и наречие «более» требуют постановки числительных в родительном падеже, то есть: более десяти процентов, до трехсот двадцати трудодней.

Часто в нашей речи слышится неправильное употребление предлогов: появляется предлог там, где он совсем не нужен, или вместо одного предлога ставится совсем другой, невозможный в данном сочетании. Например: «Было замечено о том, что...» Здесь «о том» совершенно излишне. Или «Он с тридцать пятого года рождения», где предлог также не нужен. Или «Этот случай говорит за то...» вместо «говорит о том». Или «Консультации на интересующие вопросы» вместо «Консультации по интересующим вопросам». Или широко распространенное: «Ах, Маруся! Я через тебя опоздала!» Между тем, предлог «через» имеет только пространственное и временное значение, не имея совсем причинного значения. Совершенно излишен и невозможен предлог в выражении: «Много уделяю внимания для исправления недостатков», вместо «Много уделяю внимания (чему?) исправлению недостатков». И нельзя по-русски сказать: «Дело сводится в том...» «Дело заключается в том-то и в том-то», но «Дело сводится к тому-то и тому-то».

Очень часты в речи докладчиков и ораторов случаи излишнего и ненужного употребления личных местоимений **он, она, оно, они** после того, как тот или иной предмет уже назван именем существительным. Например: «Это утверждение (оно) обосновано», или: «Данная работа (она) является...». Такое удвоение наименования лица или предмета только портит и засоряет речь говорящего.

Русские местоимения только указывают, намекают на какой-либо предмет, признак или количество предме-

тов или замещают то или иное существительное, прилагательное и числительное, но никогда точно их не называют и не обозначают. Поэтому употреблять местоимения следует очень осторожно и точно, чтобы не получилось никакой неясности и двусмысленности. Вот ряд примеров такого неудачного, иногда двусмысленного, а иногда и непонятного, употребления местоимений. «Блестяще оправдал себя метод профессора, который (?) был значительно расширен и усовершенствован его (?) учениками». «Руководитель экскурсии давал объяснения своим слушателям и просил их (?) записывать, чтобы потом можно было их (?) напечатать». «В библиотеке работала комиссия для учета пропускной ее (?) способности»; «Был заслушан доклад секретаря райкома, который (?) мобилизовал нас на выполнение поставленной им (?) задачи».

Стоящие здесь после местоимений знаки вопроса выражают то недоумение, которое возникает у читателя подобных предложений. Вследствие неясности, что именно нужно понимать под этими «который», «ее», «их», «его», «им», чтение подобных предложений, а тем более слушание их, чрезвычайно затруднено, требует совершенно излишнего напряжения внимания и раздражает.

К сожалению, школьное преподавание грамматики уделяет очень мало внимания законам русского словосочетания, сочетанию различных частей речи между собою, законам управления одних слов другими, вопросам русской фразеологии. Между тем в новой академической грамматике русского языка разделу словосочетаний отводится почти 250 страниц. И это понятно, так как пренебрежение законами языка приводит к таким недопустимым сочетаниям, как «Это играет значение», вместо: «Это играет роль», как «Это имеет большую роль», вместо: «Это имеет большое значение», или: «Вы слышали нарисованную докладчиком картину», тогда как «слышать картину»—это бессмыслица, равно как и «Вы видели идею, развиваемую оратором».

К таким же фразеологически неправильным сочетаниям относятся выражения, вроде: «Мы много останавливались на этом вопросе», ибо «останавливаться» можно только долго, или часто, или много раз, но «много

останавливаться»—это бессмыслица. Точно также нельзя говорить: «Качество работы желает много лучшего», а можно сказать: «качество работы оставляет желать много лучшего».

Не следует говорить: «Вы у нас делали лекцию», так как лекцию читают, хотя бы перед лектором и не было ни тетрадки, ни листочков.

Подобная неряшливая, неправильная и, в сущности, лишенная смысла фразеология проникает иногда даже на страницы газет и книг. Так, в одной газете мы читаем: «Библиотеки требуют более широкого пополнения литературой для удовлетворения все возрастающего культурного уровня населения села». Как можно «удовлетворить уровень?» Не «для удовлетворения все возрастающего культурного уровня», а «для удовлетворения все возрастающих культурных запросов», и, уж конечно, не «населения села», а «сельского населения». В другой газете читаем: «Опыт минувшего года показал, что там, где агротехнике было придано значение, колхозы вырастили неплохой урожай кукурузы». Урожай был неплохой не там, где «агротехнике было придано значение», а там, где выполнялись правила агротехники. Но тут мы имеем дело уже с неудачным построением сложноподчиненного предложения, в котором следствие, результат логически не вытекает из посылки.

Неясность, неточность, хаотичность мысли неизбежно проявляются и в речи. Говоря о необходимости четко и точно строить предложения, нужно подчеркнуть то громадное значение, которое имеет в любом предложении порядок слов. При его изменении, если даже не изменились грамматические формы слов, извращается самым решительным образом весь смысл предложения. Иногда неправильный порядок слов порождает неясность, двусмысленность и даже бессмысленность предложения. Возьмем для примера хотя бы такую фразу: «Я встречаю его чаще вас» и «Я встречаю вас чаще его». Совершенно очевидно, что смысл первого предложения совсем иной, чем второго.

Вот еще пример перестановки слов, приводящей к искажению мысли: «На вокзале расклеены плакаты о необходимости везде поддерживать чистоту и порядок»

и «Везде расклеены плакаты о необходимости поддерживать на вокзале чистоту и порядок».

Несмотря на очевидную необходимость соблюдать тот единственно возможный порядок, который точно передает мысль, даже газетные работники не всегда осознают ее. И вот мы читаем в газетах такое, например, предложение: «С большой силой развернулось социалистическое соревнование в честь XX съезда КПСС в деревне». Ясно, что слово «в деревне» попало совсем не туда, где оно должно было бы быть.

Столь же неудачен порядок слов в следующем предложении: «Участники семинара прослушали лекцию о международном положении лектора обкома КПСС». Речь идет ведь не о международном положении лектора обкома, а о лекции лектора обкома. Поэтому и нужно было бы сказать: «Участники семинара прослушали лекцию лектора обкома КПСС о международном положении». Именно этот порядок слов делает мысль точной и ясной.

Когда-то Чехов с грустью констатировал, что «у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто», и упрекал русских людей в том, что они, «равнодушные к ораторскому искусству», лишают себя «одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку».[1] В наше время В. Овечкин напомнил о необходимости возрождения и развития ораторского искусства. В одной из своих статей в уста секретаря обкома партии он вкладывает такие слова о важности и ценности обладания ораторским искусством: «А слово «оратор» — вообще-то слово неплохое. Ораторское искусство — очень нужное нам искусство! Жаль, что оно в последнее время стало как-то принижаться. Все речи читаем по бумажке».[2]

Овладеть, хотя бы в какой-то мере, ораторским искусством должен каждый культурный человек не только для того, чтобы не «читать по бумажке» свои выступления, а для того, чтобы речь наша не пестрела шаблонными и стертыми словами и выражениями, которые уже перестали что-либо выражать, вроде «мы мобилизовались», «мы поставили вопрос ребром», «у нас намечают-

---

[1] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1955 г., стр. 306—307.
[2] «Правда» от I/III—54 г., ст. «На одном собрании».

ся сдвиги» и т. д; чтобы в нашу речь не вторгались грубые, жаргонные слова и словечки: «мирово», «на все сто», «псих», «психовать», «звякну», «закачаешься»; чтобы исчезли грубые, неуместные и недопустимые «образные» слова и выражения, к которым прибегают некоторые ораторы: «зарвался», «влопался», «мразь», «нажать на местные материалы», «завалил дело с подготовкой семинара», «надо утрясти этот вопрос», «он долго сидел на вопросах самообразования» и т. п.

Очень неприятное впечатление производят на слушателя также так называемые «мусорные» слова, слова «паразиты». Они многочисленны и разнообразны, но у отдельного человека обычно бывает два-три таких привычных словечка, которые повторяются через каждые три-четыре слова речи. К таким словам-паразитам относятся «знаете», «понимаете», «вот», «точно», «конечно», «вот и выходит», «собственно говоря», «так сказать», «можете себе представить», «так», а также нечленораздельные «-м-д-а-а» или «э-э-» и т. д. и т. п.

Таковы главные недостатки и пороки нашей речи, которые обнаруживаются при внимательном фиксировании и анализе того, что мы слышим вокруг себя. Причиной их является не только пренебрежение ораторским искусством, но и пренебрежение законами русской речи, неряшливое обращение с языком, равнодушие к красоте, чистоте и точности русского слова. Забыты слова Чехова, которые следовало бы помнить и внушать каждому со школьной скамьи: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать»...[1]

VII.

Как уже отмечено, нами далеко не исчерпаны все формы и виды неправильностей, искажений, порчи нашей речи, с которыми приходится встречаться. Но уже приведенных примеров достаточно, чтобы прийти к выводу о необходимости работы над повышением культуры своей речи. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено —

[1] «Русские писатели о языке». Учпедгиз, 1954 г., стр. 307.

тем оно победоносней»[1] — говорит А. М. Горький. В чем же должна заключаться эта борьба, эта работа над словом? Каковы пути и методы повышения культуры своей речи? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вспомнить, что же такое наш язык, каковы его основные элементы.

Известно, что звуковой язык любого народа состоит из двух основных элементов: словарного состава языка и его грамматического строя. Оба эти элемента вовне проявляются в звуковой стороне языка, в его фонетике, тональности, темпах и т. д. Словарный состав языка, т. е. все слова, имеющиеся в распоряжении народа, говорящего на этом языке, наиболее подвижная, наиболее изменчивая в потоке времени часть языка, хотя неодинаково и неравномерно изменчивая в своих элементах. Чем обширнее и богаче словарный состав языка, тем богаче и совершеннее язык.

Однако взятый отдельно, сам по себе, словарный состав еще не составляет языка и не может служить средством обмена мыслями в человеческом обществе. Он получает свое значение, становится средством общения только тогда, когда поступает в распоряжение грамматики языка.

Когда мы говорим, то наша речь состоит не просто из отдельных, не связанных друг с другом слов. Мы располагаем их в определенном порядке, нужном для высказывания данной мысли, мы придаем словам нужную для данного высказывания форму, мы строим предложения. Все это возможно только благодаря грамматике языка.

Благодаря грамматике, которая «...является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении», «...язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку».[2] Следовательно, наша работа над повышением культуры речи должна вестись по двум основным направлениям: по линии овладения возможно большим запасом слов и по линии овладения грамматическим строем языка. В жизни и на практике это овладение родным языком, овладение его обоими элементами происходит одновре-

[1] «Русские писатели о языке», 1954 г., стр. 325.

[2] И. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания». М. 1950 г стр. 48.

менно, одинаково как у ребенка, так и у взрослого. Но для удобства рассмотрения методов работы над повышением культуры своей речи мы вынуждены разделить эти два момента.

К. В. Чуковский в своем замечательном исследовании о языке ребенка «От двух до пяти» приводит интереснейшие статистические данные о росте словаря ребенка вместе с ростом его сознания. Он пишет: «Уже давно установлено, что в возрасте около года запас слов у ребенка исчисляется единицами; к концу второго года достигает 250—300 слов, а к концу третьего года доходит до тысячи, то есть сразу, всего в один год, ребенок утраивает свой словарный запас, после чего накопление слов происходит уже более медленно».[1]

То же и с грамматическими формами, которые на всю жизнь усваиваются ребенком в возрасте 3—4-х лет, «когда лингвистическая «одаренность» ребенка проявляется с особенной силой».[2] Недаром Л. Толстой о самых первых годах своей жизни писал: «Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и сотой доли того? От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до меня страшное расстояние».[3]

Последующее накопление и увеличение словарного запаса человека зависит уже не столько от количества лет, прожитых им, не от возраста, а от степени культурности человека, от роста его сознания, расширения его умственного кругозора, его духовного роста. Подсчитано, что словарный запас взрослого, но малообразованного человека исчисляется всего одной-двумя тысячами слов, то есть почти не отличается от запаса слов пятилетнего ребенка. Словарный же запас развитого, образованного и культурного человека исчисляется уже шестью-семью тысячами слов. И чем шире умственный кругозор человека, чем богаче его духовная жизнь, тем богаче его словарь. Подсчитано, что словарный запас великих русских писателей, таких, например, как Салтыков-Щедрин или Л. Толстой, приближается к 30000 слов. Изумительная яс-

[1] Чуковский. «От двух до пяти». М. 1956 г., стр. 26.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 58.

ность, точность, сила и красота отображения в слове реальной действительности, которые достигаются благодаря богатству словарного запаса, являются одной из причин могучего воздействия художественной литературы. Недаром, по словам А. М. Горького, язык—это первоэлемент литературы.

Следует отметить, что у каждого человека есть как бы два запаса слов: активный и пассивный. Пассивный запас значительно больше и шире активного. Ибо активный запас — это только те слова, которые человек привык употреблять, которые как бы сами собой, без всяких усилий «слетают» с его языка, когда он что-либо говорит, рассказывает или пишет. Пассивный же запас это не только те слова, которые человек говорит сам, но и те, которые он только понимает, когда слышит их или читает, но сам не решается, не умеет их употреблять, не привык к ним. Таким образом, работа по повышению культуры своей речи должна идти прежде всего по линии увеличения не столько пассивного запаса слов, сколько активного запаса, по линии перевода возможно большего количества слов из пассивного в активный запас.

В связи с вопросом об увеличении словарного запаса нужно отметить, во-первых, многозначность русского слова, благодаря которой одно и то же слово в различных сочетаниях приобретает совершенно различные оттенки значений; а, во-вторых, — необычайное богатство синонимов в русском языке, которое дает возможность передавать тончайшие и многочисленнейшие оттенки и различия в одном и том же предмете, признаке, действии, состоянии, факте, явлении реальной действительности.

В качестве примера многозначности русского слова можно привести простой русский глагол «идти», который, по показаниям «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова, имеет до сорока различных значений и оттенков. Так, в сочетаниях: человек идет, поезд идет, снег идет, время идет—слово «идет» имеет различные оттенки значения, обозначая совершенно разные виды движения; а в сочетании: это платье вам идет — глагол «идет» очень далек в своем значении от обозначения какого бы то ни было движения. Или столь же простой глагол «попасть». Попал в цель, попал в лужу, попал до-

мой, попал на хорошего помощника, попал на черную доску, попал в техникум, попал в сплетники, ему попало от родителей, как попало, что попало, попал на зубок, попал под руку, попал под поезд, попал в топ и т. д. и т. д. — во всех этих сочетаниях глагол означает не одно и то же. И чем больше мы будем знать оттенков значения слов, тем богаче будет наша речь.

Также чрезвычайно важно для повышения культуры речи овладение ее синонимикой, чтобы речь не была обедненной, чтобы звучание ее не было однообразным и чтобы она возможно точнее отображала реальную действительность. Можно кого-либо или чего-либо бояться, опасаться, пугаться, страшиться, ужасаться, перед кем-либо или перед чем-либо трусить, робеть, трепетать—все эти различные глаголы обозначают одно и то же чувство страха, только в различных его оттенках. Вот перед нами смелый человек. Но мы можем назвать его не только смелым, но и бесстрашным, безбоязненным, храбрым, неробким, неустрашимым, отважным, доблестным, бестрепетным, удалым, лихим. Вот еще ряд синонимичных прилагательных: толстый, грузный, дебелый, дородный, жирный, полный, тучный, пухлый. Все они могут сочетаться с существительным человек.

Но с существительным баран можно сочетать только слово «тучный» или «жирный»; с существительным дерево—только «толстое» и т. д. Тут мы имеем дело уже не со словарным запасом, а с законами сочетания слов между собою, с фразеологией, грамматическим строем языка.

Нужно владеть этими законами, этими грамматическими формами, владеть законами построения предложений. Другими словами, нужно овладеть грамматическим строем языка, практически усваивать воплощенные в грамматическом строе языка те внутренние его законы, по которым он живет и развивается.

Овладевать богатством синонимов следует начинать со школьной скамьи, с детского возраста. Синонимы позволяют разнообразить способы выражения одной и той же мысли, делают нашу речь богатой и разнообразной по форме, более привлекательной даже в звуковом отношении. Нужно отметить также богатство русского языка устойчивыми и неразложимыми словосочетаниями,

«ходячими и меткими словами», идиомами, не поддающимися никакому переводу, наконец, богатство пословицами и поговорками, которые придают речи необычайную выразительность, яркость и красочность. Увеличение активного запаса слов, овладение многообразием синонимических выражений, овладение пословицами, поговорками, крылатыми и меткими словами, овладение фразеологией, законами сочетания слов и законами построения предложений—таковы те пути, по которым должна идти наша работа по повышению культуры нашей речи.

VIII.

Методы овладения речевым материалом, словарным запасом и грамматическим строем разнообразны, но мы отметим только некоторые из них. Однако, какой бы метод мы ни взяли, всякий требует упорного, систематического и длительного труда. Как сказал В. В. Маяковский.

Поэзия — та же добыча радия:
В грамм добыча — в годы труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.

И вот так, как работали и работают над неисчерпаемым океаном языковых средств наши поэты и писатели—художники слова, так и мы должны работать над обогащением, очищением, отделкой и совершенствованием нашей речи.

Но когда мы говорим о повседневной культуре речи и о методах ее повышения, мы имеем в виду только тот пласт или тот поток речи, который принято называть литературно-разговорным.

В языке, как в письменной, так и в устной речи, существует множество таких течений или стилей.

Среди них следует выделить, прежде всего, два основных стиля: стиль книжной, публичной по преимуществу, и стиль разговорно-бытовой, по-преимуществу устной речи. Каждый из этих основных стилей можно подразделить на: деловой стиль, научный, стиль научно-популярной литературы, публицистический и стиль художественной литературы. Это деление, прежде всего, относится к письменной, книжной речи. Но ведь и разговорно-бытовая

речь в зависимости от ее темы может включать все эти разновидности. Этого мало. Совершенно очевидно, что, например, научный стиль, в свою очередь, может быть различным. Ибо речь медика будет отличаться от речи инженера-электрика, а речь работника сельского хозяйства—от речи искусствоведа, речь педагога—от речи юриста: и словарный состав, и фразеология будут у каждого иными. Наконец, можно в любом из указанных стилей наметить совершенно другие типы, или разряды стилей речи. Это будет стиль торжественный, или риторический; официальный, холодный, деловой стиль; интимно-ласковый; юмористический, или шутливый стиль; наконец, сатирический, или резко насмешливый стиль. Но так как художественная литература отображает все стороны реальной, действительной жизни, то в произведениях художественной литературы находят себе место все стили, все пласты, все течения нашей речи. Поэтому главный метод овладения культурой речи — внимательное и вдумчивое чтение художественной литературы. М. И. Калинин говорил: «...повышение культуры — это в первую очередь знание художественной литературы».[1] Обратите внимание: повышение вообще культуры, а уж тем более культуры речи.

Чтение произведений художественной литературы, в особенности чтение вслух, дает возможность узнать, услышать язык этих произведений.

Современный русский литературный язык устной речи и создан на основе общенародного языка нашими великими писателями, отбиравшими и отрабатывавшими все лучшее, ценное, значительное в общенародном языке. Сами обладая исключительным богатством словарного фонда и фразеологии, в совершенстве владея речью, русские писатели дают возможность нам, своим читателям, черпать из этой сокровищницы, обогащать наш пассивный и активный запас слов, нашу фразеологию, грамматический строй языка. Точно также заучивание наизусть стихотворных и прозаических произведений или отрывков из них, а также чтение, декламация полезны и нужны не только детям, но и взрослым, т. к. язык поэтических про-

[1] М. И. Калинин. «О коммунистическом воспитании». «Молодая гвардия», 1947 г., стр. 47.

изведений — наиболее организованный, точный, яркий и краткий язык. И заученные нами слова стихов, словосочетания и обороты речи незаметно для нас самих будут влиять на нашу собственную речь, улучшать ее обороты. Кроме того, цитаты из заученных произведений, вовремя сказанные, будут оживлять, украшать, делать более яркой и доходчивой нашу речь. Вспомним, с каким искусством В. И. Ленин использовал в выступлениях свое прекрасное знание художественной литературы, с каким искусством он использовал неисчерпаемую сокровищницу русских пословиц и поговорок—этого совершенно особенного вида художественного творчества. Пословицы и поговорки — выражение, как бы сгусток народной мудрости. В то же время они являются недосягаемым, по оценке А. С. Пушкина, образцом совершенства словесной, языковой формы.

В условиях советского общественного строя, в эпоху построения коммунизма важное значение имеет повышение культуры не только разговорно-литературной речи. Для советского человека необходимо в полной мере владеть научным стилем речи, в частности, языком философии, экономики, политики и публицистическим. Поэтому важное значение, и с этой точки зрения, приобретает чтение общественно-политической и философско-экономической литературы в ее лучших образцах. Такими образцами являются труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Сталина, Калинина. Являясь всесторонним изложением марксистско-ленинского мировоззрения, эти труды представляют в то же время богатейшую сокровищницу научно-политического и публицистического языка. Немалую роль в этом же направлении может сыграть чтение предшественников русской социал-демократической мысли: Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского— создателей языка русской публицистики, языка философских и обществоведческих наук. Чтение их произведений тоже будет способствовать обогащению словарного запаса и фразеологии советского человека.

Кроме чтения классических художественных и научных произведений, в качестве одного из методов работы над повышением культуры нашей речи весьма полезно систематическое ознакомление с различного рода слова-

рями и справочниками. Это могут быть и энциклопедические словари, и специальные словари-справочники: сельскохозяйственные, технические, медицинские, музыкальные и пр.; словари иностранных слов, философские и политические словари. Наконец, это толковые словари русского языка — Даля, Ушакова, Ожегова, Академии наук, орфографический словарь Академии наук 1956 года издания, включающий сто десять тысяч слов с указанием правильного ударения в них. Толковые словари помогут нам не только в уточнении смыслового значения слов, но укажут и на многозначность слов и на употребление их в различных сочетаниях, укажут на правильное произношение и написание, укажут, в каком стиле речи можно употребить каждое слово.

Также полезно, конечно, ознакомление со специальной литературой по вопросу культуры речи; она дается в прилагаемом списке.

Кроме методов, связанных с книгой, с чтением, рекомендуется применять и другие методы работы по совершенствованию своей речи. Это прежде всего слушание речи других лиц, которые говорят лучше, чем мы. Таковы артисты столичных театров, крупные ученые, лекторы, дикторы Всесоюзного радио и т. д. Именно от них мы услышим безукоризненное звуковое оформление слов, правильную фразеологию и построение предложений. Кроме того, артисты в пьесах передают и разные стили речи, и индивидуальные особенности речи каждого действующего лица, так как каждый писатель, а драматург особенно, стремится индивидуализировать речь своих героев, давая им так называемую речевую характеристику. Недаром французы говорят, что стиль — это человек.

Полезно также слушать и анализировать речь людей, говорящих хуже, чем мы сами, так как, отмечая присущие их речи недостатки, мы тем самым будем избегать таких же.

Наконец, одним из самых важных и действенных методов работы по повышению культуры своей речи является метод самоконтроля путем непрерывного самонаблюдения и «самообуздания». Нужно научиться, приучить себя слушать себя самого, слышать свою собст-

венную речь. Этой способностью должны обладать не только педагоги и ораторы, но и каждый человек.

Слыша свою речь, нужно выявлять в ней все неправильности и обязательно немедленно исправлять их, запоминать и избегать в будущем. Вот, скажем, вы заметили, что нечаянно произнесли квáртал или звóнит. Дайте себе труд сейчас же произнести это слово правильно, а потом, на досуге, повторите его еще раз 10 — 15, чтобы приучить самые органы речи к правильному произнесению. Особенно следует остерегаться грубых, жаргонных слов и выражений. Следует всегда помнить слова М. И. Калинина, который говорил, что «к слову нельзя относиться небрежно».[1] Мы несем ответственность не только за то, что́ мы говорим, но и за то, ка́к мы говорим, не только за смысл произносимых нами слов, но и за форму, в которую мы этот смысл облекаем.

Ответственность за форму и содержание нашей речи делается особенно очевидной, если мы вспомним о детях, которые нас окружают. Известно, что дети, как губка, впитывают в себя все, что исходит от старших. Если мы в их присутствии будем позволять себе говорить грубыми, жаргонными словами, будем говорить неправильно, нарушая общеобязательные нормы культурной речи, то этим самым мы будем учить детей бескультурью речи, а ведь снижение культуры речи влечет за собой снижение интеллектуальной культуры, огрубение речи — духовное огрубение.

Между тем есть немало людей, которые считают, что говорить правильно, культурно нужно только в каких-либо важных, высоких учреждениях или при публичных выступлениях, а дома, на улице, с товарищами, у себя в учреждении или на предприятии можно говорить как угодно. Глубокое заблуждение! Вспомним об активном и пассивном запасе слов, об активной и пассивной фразеологии. Вследствие того, что эти люди бóльшую часть жизни будут говорить неправильно, они как раз и сделают эти неправильности активными в своей речи. Другими словами, они сознательно будут понижать культуру своей речи, приучать себя к ошибкам и грубо-

[1] М. И. Калинин. «О коммунистическом воспитании». «Молодая гвардия», 1947 г., стр. 140.

стям, к искажению слов и их смысла. Нечего говорить о том, что в результате этого они рискуют тем, что и во время публичного выступления и в самом высоком учреждении у них невольно вырвутся далеко не культурные слова и выражения, ибо они-то и стали у них активными. А самое главное, такие люди сознательно снижают свою духовную культуру, ибо культура речи и духовная культура взаимозависимы, как и все в мире. Здесь закон взаимозависимости действует с особой силой и наглядностью. Поэтому уместно вспомнить слова Тургенева: «...Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!»[1]

IX.

Когда мы говорим о необходимости овладевать нормами литературной речи, о необходимости учиться на лучших образцах речи и в той или иной мере усваивать эти образцы, это вовсе не значит, что мы рекомендуем запоминать и употреблять только чьи-то готовые фразы, дословно повторять чужие слова, уже сказанные кем-то и где-то в газете, журнале, докладе или книге. У каждого человека есть и должен быть «свой» язык, «свои слова», «свои» индивидуальные способности сочетания этих слов, «свой» стиль речи. Именно этот «свой» язык и нужно развивать, совершенствовать, обогащать, сохраняя его неповторимую индивидуальность. Для уяснения того, что такое «свой» язык, возьмите по странице текста из любых произведений нескольких авторов, хотя бы Шолохова, Эренбурга, Пановой, Гоголя, Л. Толстого, Чехова. Прочитав два-три абзаца текста каждого автора, вы сразу почувствуете, поймете, услышите отличия языка каждого, признаете в языке каждого писателя то «свое», которое только ему принадлежит, является выражением неповторимой индивидуальности каждого. И не только писатели, но, повторяем, каждый человек обладает «своим» языком. Тембр голоса, его тональность, темп речи и ее интонация, все звуковое оформление, словарный

[1] «Русские писатели о языке», М. 1954 г., стр. 275.

состав, характер сочетания слов, фразеология, синтаксис речи, весь стиль речи у каждого человека различны и обычно ярко индивидуализированы.

Между тем следует отметить, что язык наших газет, в особенности районных и даже областных, язык многих книг и брошюр, в особенности научно-популярных и агитационно-пропагандистских, к сожалению, нередко страдает как раз отсутствием этого индивидуального, «своего», страдает какой-то одинаковостью, поразительной схожестью во всех статьях, очерках, заметках самого разнообразного содержания и у самых различных авторов. Так стертые монеты похожи одна на другую. Против такой «общности», против готовых штампов речи возражал М. И. Калинин, резко осуждая пропагандистов, говорящих готовыми заученными фразами. «А знаете, что значит говорить готовой фразой? Это значит, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык. Готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают. Вы опасаетесь, что если по-своему скажете, это будет не столь красиво. Ошибаетесь. Она лучше будет слушаться, ее доходчивость больше...

Однако призыв говорить своим языком не означает, конечно, что следует сохранять его неправильности и грубости, если они имеются. Совсем нет. Этот язык должен и может соблюдать все законы и нормы общенародного языка, сохраняя при этом все свое индивидуальное своеобразие. Этот язык можно и должно совершенствовать, обогащать, шлифовать, приближать к идеальным образцам русской культурной речи, отнюдь не уничтожая неповторимого его своеобразия.

X.

Если идеал звуковой стороны устной речи, кодекс русской орфоэпии еще не полностью разработан и не вполне установился, то идеал внутренней структуры и состава устной речи, ее лексики, фразеологии, синтаксиса, в особенности устного публичного выступления, вырисовывается с достаточной яркостью и полнотой. Так,

[1] М. И. Калинин. «О коммунистическом воспитании». «Молодая гвардия», 1947 г., стр. 44.

для любого оратора, агитатора и пропагандиста в особенности идеалом речи является прежде всего речь, несущая в себе «максимум марксизма». Кроме того, всестороннее и точное овладение предметом придает речи силу и убежденность. А только та речь и оказывается наиболее доходчивой и действенной, вызывающей желаемый результат, которая звучит с силой и убежденностью в ее правильности и истинности. Так, речи Ленина отличались звучавшей в них необычайной силой убеждения, ясностью и непреложностью аргументации. От беспощадных «клещей» ленинских доводов и доказательств некуда было уйти, из них невозможно было вырваться. И это достигалось также и той простотой, ясностью и краткостью речи, которые были свойственны речам Ленина. Ибо «максимум марксизма» должен совмещаться с «максимумом простоты», по словам самого В. И. Ленина. «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет».[1]

Насыщенность содержанием, последовательность мысли, точность понятий, ясность каждого слова, простота и сжатость, такая,

Чтоб словам было тесно,
А мыслям — просторно, —

вот тот идеал речи, к которому все мы должны неустанно стремиться. Мы должны добиваться того полного единства формы и содержания, которого наши великие революционные демократы — Белинский, Добролюбов, Чернышевский — требовали от истинного художественного произведения.

Слово — одно из величайших орудий человека, слово — это орудие развития и борьбы. Поэтому будет преступлением перед культурой, перед нашей Родиной, даже перед человечеством, если мы не будем беречь наш язык и позволим коверкать его.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 53.

ЛИТЕРАТУРА

Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М. 1950 г.

Вс. Аксенов. Искусство художественного слова. М. 1954 г.

Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова, М. 1955 г.

Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. Изд. Акад. Наук М. 1953 г.

В. В. Виноградов. Великий русский язык. М. 1945 г.

Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык. М. 1957 г.

А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М. 1956 г.

Ф. Гладков. О литературе (Глава о культуре речи). М. 1955 г.

А. М. Горький. О литературе. М. 1937 г.

А. И. Ефимов. О культуре речи агитатора и пропагандиста. М. 1948 г.

А. И. Ефимов. О языке пропагандиста. М. 1951 г.

М. И. Калинин. О вопросах социалистической культуры. М. 1938 г.

М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М. 1947 г.

В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка. М. 1957 г.

Н. К. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. М. 1933 г.

Культура речи. Сборник. Изд. Акад. Наук. М. 1955 г.

В. И. Ленин. Об очистке русского языка. Соч. т. XXX.

В. И. Ленин. О характере наших газет. Соч. т. XXVIII

С. Максимов. Крылатые слова. М. 1955 г.

М. И. Матусевич. Русское литературное произношение. Л. 1953 г.

М. И. Михельсон Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. СПБ.

М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. СПБ. 1896 г.

Д. Э. Розенталь. Культура речи лектора. М. 1956 г.

Русские писатели о языке. Хрестоматия. Л. 1954 г.

И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М. 1950 г.

Л. Успенский. Слово о словах. Л. 1954 г.

М. Шифман. Прокурор в уголовном процессе. (Глава: Речь государственного обвинителя).

Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М 1957 г.

Ем. Ярославский. Советы агитаторам. М 1924 г.

В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М. 1952 г.

Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка М. 1935—40 гг.

Словарь современного русского литературного языка АН СССР М.-Л. 1950-57 гг.

Орфографический словарь русского языка. Акад. Наук. М. 1956 г.

Сергей Константинович Евгрифов
О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Редактор *Э. Лисавцев.*
Художественный редактор *И. Савчук.*
Технический редактор *Е. Воронкова.* Корректор *А. Храмова.*

Сдано в набор 27/I—1958 г. Подписано к печати 17·III—1958 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Объём: печ. л. 1,25, услов. печ. л. 2,05,
уч.-изд. л. 1,869. Тираж 5 000. ФЛ01315.

Пензенское книжное издательство
Пенза, улица Кирова, 65.

Заказ 430. Типография Пензенского книжного издательства
Цена 60 коп.

НОВЫЕ КНИГИ

Пензенского книжного издательства

В. Милосердов. *Торжество ленинского учения о нерушимом союзе рабочих и крестьян.*

Популярная брошюра, рассказывающая о становлении, развитии и укреплении союза рабочего класса и крестьянства, о роли этого союза в деле победы Октябрьской социалистической революции, построения социализма и постепенного перехода к коммунизму.

5 л. 3.000 экз. Цена 95 коп.

Г. Селиванов. *Снижение затрат труда и средств на производство единицы сельскохозяйственной продукции.*

Автор — секретарь Кузнецкого РК КПСС, на конкретных примерах показывает, как влияют на снижение затрат труда и средств механизация сельскохозяйственного производства, сокращение себестоимости центнера натуроплаты тракторных работ, планирование развития общественного хозяйства колхозов, правильная постановка организации труда и его оплаты, повышение урожайности сельскохозяйственных культур и рост производительности труда.

4,5 л. 10.000 экз. Цена 95 коп.

Ю. Кривошеев. *У пионерского костра.*

Брошюра посвящена обобщению опыта работы пионерских дружин в пионерских лагерях.

3 л. 5.000 экз. Цена 90 коп.

В. Лебедев. *Загадочный город Мохши.*

Рассказ о древнем городе Наровчате. Автор показывает, как происходили поиски этого города, устанавливалась дата его возникновения. На большом материале излагается история развития города, его роль в системе Золотоордынской державы, почему город пришел в упадок и на долгое время был забыт.

3 л., 5.000 экз. Цена 90 коп.

Перечисленные книги можно приобрести в магазинах и киосках Книготорга, Облпотребсоюза и Союзпечати.

Иногородние заказы высылаются наложенным платежом через отдел «Книга — почтой».

Адрес: г. Пенза, ул. Московская, 54.
Магазин Книготорга.

Цена 60 коп.